

ПОНИМАНИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

*Гудзина Виктория Анатольевна,
ст.преп. БухГУ*

Annotatsiya. Mazkur maqolada zamonaviy jahon adabiyotchilik ilmida mavjud boʻlgan tahlil muammosini tushuntirish yoʻllari koʻrib chiqildi. Koʻrib chiqilayotgan terminning turli adabiyotchilar tomonidan tushuntirilishi tahlil qilindi. Sheʼriy yoki prozaik diskurslarga qoʻyilgan badiiy qadriyatlarni retseptsiya qilish usullaridan biri sifatida tahlil qilishning dolzarb ekanligi asoslangan. XX asr adabiyotchiligidagi tizimlik paradigmasi doirasida “adabiy asarning badiiy dunyosi” kontseptsiyasini yoritishga harakat qilindi. Muallif ishda asosiy eʼtiborni asosiy eʼtibor qaratmoqda.

Аннотация. В данной статье рассмотрены подходы к пониманию проблемы интерпретации, имеющиеся в современной мировой литературоведческой науке. Проанализировано толкование рассматриваемого термина различными литературоведами. Обоснована актуальность интерпретации как одного из способов рецепции художественных ценностей, заложенных в поэтические или прозаические дискурсы. Сделана попытка освещения концепции «художественный мир литературного произведения» в рамках парадигмы системности в литературоведении XX века. Основное внимание в работе автор уделяет вопросу эстетической значимости художественного мира произведения, а также определению внутренних законов его конструирования.

Abstract. This article considers the approaches to understanding the problem of interpretation available in modern world literary science. The interpretation of the term under consideration by various literary scholars was analyzed. The relevance of interpretation as one of the methods of reception of artistic values embedded in poetic or prose discourses is justified. An attempt was made to illuminate the concept of the "artistic world of literary work" within the framework of the paradigm of systemality in literary criticism of the 20th century. The author focuses on the aesthetic significance of the artistic world of the work, as well as on determining the internal laws of its design.

Tayach soʻzlar: interpretatsiya, adabiyotchilik, diskurs, taʼriflash, adabiy asar, badiiy koordinatalar, germenevtika, muloqotlilik, kontekstual maʼnoda.

Ключевые слова: интерпретация, литературоведение, дискурс, истолкование, литературное произведение, художественные координаты, герменевтика, диалогичность, контекстуальный смысл.

Key words: interpretation, literary criticism, discourse, interpretation, literary work, artistic coordinates, hermeneutics, dialogue, contextual meaning.

Введение. Проблема интерпретации в последние десятилетия является весьма актуальной и привлекает пристальное внимание многих исследователей в различных областях научной парадигмы: философии, лингвистике, литературоведении, психологии, психолингвистике.

Характеристика современного литературного процесса и своеобразия национальных литератур с точки зрения исследования общетеоретических постулатов относительно литературоведческих интерпретаций является одной из фундаментальных задач мировой литературоведческой науки.

Термин «интерпретация» несмотря на то, что в русском литературоведении появился 20-х годах XX века, однако широкое признание получил лишь в 70-е годы прошлого столетия. Интерпретация делает актуальными художественные ценности, заложенные в поэтические или прозаические дискурсы, включая тем самым произведения различного временного среза в контекст современных художественных координат и субъективного поведения читателя.

Несомненно, теория интерпретации вызвала широкий резонанс в научном мире; ее «дополняли, существенно исправляли». Исследованию интерпретации посвящали свои труды М.М.Бахтин, И.В.Арнольд, М.Хайдеггер, П.Рикёр, А.Б.Есин, В.Е.Хализев, В.Г.Кузнецов и др.

Основная часть. Наиболее емкое толкование термина дается в монографии М.П.Жигаловой «Интерпретация и анализ в литературе: теория и практика»: интерпретация (от лат. *interpretatio* - посредничество) - истолкование литературного произведения, разъяснение его смысла, идеи, концепции [1, 7].

Другими словами, это декодирование как произведения, так и его отдельного образа, мотива или компонента.

М.М.Бахтин, опираясь на герменевтику и оперируя понятием «диалогичность», утверждал, что интерпретации художественных произведений способны приносить в их состав нечто новое, вершить «прибавление путем творческого созидания» [2].

М. Хайдеггер справедливо отмечает: «Истолкование есть не принятие к сведению понятого, но разработка тех возможностей, которые набросаны в понимании» ... «Понимание хранит в себе возможность истолкования, то есть усвоения понятого» [3, 6,]. Данная точка зрения коррелирует с мнением И.В. Арнольда об интерпретации как о словесном понимании [4, 1].

По мысли Д.С. Лихачева, интерпретация является стрессом литературоведения, поскольку его «гибкий, лишенный твердости центр» окружен более точными дисциплинами, представляющими для интерпретации «жесткие ребра» [5, 4].

И.В.Третьякова считает, что «существующие в настоящее время методы интерпретации художественного текста предлагают читателю целую систему различных приемов, направленных на выявление глубинного смысла литературного произведения, постижение его основной идеи и замысла автора» [6, 5].

Формирование концепции «художественный мир литературного произведения» происходило в контексте развития парадигмы системности в литературоведении 60-х годов XX века. Впервые этот термин появился в статье Д.С. Лихачева [7, 4]. Позже сформировались два подхода к анализу художественного текста: литературоведческий и лингвопоэтический [8, 8].

Однако на данный момент в науке пока не выработано универсальное и четкое определение этого понятия, которое предстает в разных специализированных работах и в качестве «реализованной в комбинации словесных значений системы контекстуальных смыслов, в которых первичные (прямые) значения эстетически искажаются», и как особая сфера, «в которой теснейшим образом оказываются связаны сферы жизни и литературы». Эти определения, на первый взгляд, не противоречат друг другу, однако, расставляют по-другому акценты, что качественным образом влияет на понимание данного понятия.

Это объясняется сложностью и многокомпонентностью самого понятия: с одной стороны, художественный мир произведения – это искусственное создание, которое рождается в сознании конкретного автора. С другой стороны, художественный мир не может быть полностью оторван от действительности, так как иначе произведение не будет выглядеть достоверно.

В контексте нашего исследования, краеугольным является вопрос об эстетической значимости художественного мира, а также об определении внутренних законов его конструирования, то есть – речь идет о методологии его создания. Лингвопоэтический подход дает ответ на эти вопросы, ориентируясь прежде всего на функциональный тезаурус произведения – то есть на встречаемость определенных типов существительных, глаголов и прилагательных. То есть, художественный мир предстает в виде своеобразного списка «тех предметов и явлений действительности, которые упомянуты в произведении, каталог его образов». Таким образом, конструируется предметный мир объектов, где у каждого из них – своя роль и свой вес, соответственно количеству упоминаний данного объекта. Однако, специалисты критикуют такой подход из-за его одностороннего рассмотрения слов вне их контекста, что часто разрушает контекстуальные связи, особенно если учесть метафоричность и образность каждого произведения. Таким образом, тезаурусы по конкретным произведениям могут дать представление о словарном запасе данного автора, но не о художественном мире, созданном им. И.В. и Л.П. Фоменко справедливо отмечают, что тезаурус лишь классифицирует «номенклатуру элементов бытия, в котором ощущал себя автор» [9, 8]. Тезаурусы как средство исследования художественного мира, безусловно, дают представление о тематических полях (флора, фауна, интерьер, цвета и т.д.), которые свойственны данному художественному произведению и отображают его семантику. В этом смысле весьма интересно исследовать служебные слова, которые помогают определить те самые связи между словами, которые существуют в произведении. Например, предлоги и союзы показывают на направление движения, сопряженность, равнозначность, причинно-следственные связи и т.д. Частицы помогают выражать эмоции – восторг, опасение, печаль, и др. Причем, что особенно ценно, служебные слова, в особенности частицы, автор употребляет интуитивно, неосознанно, что помогает открыть новые горизонты понимания его мироощущения, проанализировать мотивы, о которых он, возможно, даже не подозревал сам. То есть, полнозначные слова – это тот мир, который автор создает сознательно, повинувшись своей воле. Служебные слова – это скрытый мир смыслов, ощущений, образов и контекстов, которые часто лежат далеко не на поверхности. Таким образом, материализуется наиболее полная картина мира, принадлежащая данному писателю или поэту. Интересно, что таким же образом можно и реконструировать системные элементы авторского мировоззрения, а именно: различные дискурсы, которые как раз и составляют смысл произведения, одновременно показывая и главные темы, и дополнительные, служащие в качестве уточнения к основной теме.

Однако, иногда может получиться так, что эти тезаурусы вступят в противоречие с контекстом, так как в данном случае не учитываются смысловые связи между словами, его структуру, а значит – понять сверхидею произведения. Это нивелирует возможность понимания мировоззрения автора произведения. Например, если речь идет о произведениях, пронизанных метафорами – в качестве самого яркого образца такого рода литературы можно привести стихи В. Хлебникова:

О, рассмейтесь, смехачи!
О, засмейтесь, смехачи!
Что смеются смехами, что смеяньствуют смеяльно,
О, засмейтесь усмеяльно!
О, рассмешищ надсмеяльных — смех усмейных смехачей!
О, иссмейся рассмеяльно, смех надсмейных смеячей!
Смейево, смейево,
Усмей, осмей, смешики, смешики,
Смеюнчики, смеюнчики.
О, рассмейтесь, смехачи!
О, засмейтесь, смехачи!

Эта креативная способность является неотъемлемым свойством естественного языка, которая позволяет людям выражать бесконечно много мыслей через бесконечное множество различных способов составления фраз и предложений. Возможность новых, творческих выражений никогда не исчерпывается. Романисты, журналисты, сценаристы фильмов и в рекламе продолжают создавать фразы и выражения, которые являются оригинальными, но при этом должны выразить желаемый смысл в данной ситуации.

Писатели прилагают значительные усилия для выбора идеальных слов при написании своих сочинений, так как правильно подобранная комбинация оказывает влияние на умы читателей, а также стимулирует повышенный уровень когнитивных реакций и внимания. Метафоры, одна из наиболее существенных форм лингвистического творчества, широко обсуждались в исследованиях по нескольким дисциплинам, например, когнитивной лингвистике, психологии, социологии и литературе. Более того, то, что недавно лишь предугадывалось интуитивно, в наши дни «проверено цифрами»: исследования, проведенные с помощью МРТ, демонстрируют биологические доказательства, подтверждающие влияние творческих фраз на умы людей. В этих исследованиях сообщается, что нетрадиционные метафорические выражения вызывают значительно более активное участие работы мозга по сравнению с эффектом буквальных выражений.

Развивая данную мысль, интересно привести данные когнитивной лингвистики. Дивергентное мышление, которое стремится генерировать множество нестандартных решений для проблемы, является ключевым элементом в творческом процессе, который контрастирует с конвергентным мышлением, задача которого – найти единственное правильное решение. Применяя этот психологический закон к построению художественного мира средствами лексической композиции, следует отметить, что новизна в подавляющем большинстве случаев заключается в самих особенностях композиции, то есть в акте объединения набора слов неожиданным образом, а не в редкости используемых отдельных слов [10, 10].

Использование тезауруса с поправкой на анализ служебных слов и контекстуальных взаимоотношений для стилистического и лингвистического анализа широко применяется на сегодняшний день в науке. В контексте нашего исследования, необходимо особо рассмотреть особенности понятия стилистики произведения. Стилистические вариации в языке являются отражением таких факторов, как контекст, динамики отношений автора-читателя, а также и дополнительные коннотации. Влияние этих факторов было подробно проанализировано психолингвистами. Лингвистический

стиль также имеет дело с особенностями грамматики, связанной с эстетикой текста. Нам представляется важным рассмотрение данного аспекта, поскольку стилистика текста, отражающаяся в особенностях его тезауруса, в том числе, формирует художественный мир произведения. Данные стилистические выразительные элементы можно идентифицировать на нескольких уровнях: лексическом (относящемся к словарю языка), синтаксическом (относящемся к расположению слов и фраз для создания правильно сформированных предложений) и семантическом (относящемся к значению в языке).

Лексические элементы стиля выражаются на уровне слов, и стилистические вариации могут возникать из-за добавления, удаления или замены слов. Эти изменения могут привести к тексту, который характерно отличается с точки зрения настроения, экспрессии, и т.д. Лингвисты перечисляют следующие стилистические аспекты, представленные в лексиконе: разговорный или литературный стиль; конкретика или абстракция; субъективность против объективности; формальность против неформальности [11, 9].

Синтаксические элементы стиля видны в языке – это: особенности прилагательных (сложные, простые); активный / пассивный залог; сложные и простые предложения; прямой или обратный порядок слов в предложении.

Семантические элементы стиля могут быть идентифицированы путем анализа атрибутов основного значения, которое передается во фрагментах текста. Например: *«он нечасто приходит вовремя»*, *«обычно он опаздывает»*. В то время как оба предложения имеют схожий основной смысл, первое выражает дополнительную семантику сомнения, а второе – семантику уверенности. Следует отметить, что семантические элементы стиля идентифицируются путем анализа всего или большей части текста (фразы, предложения или абзаца), в отличие от лексических или синтаксических элементов, которые учитывают, как правило, только значение входящих в него слов или синтаксис одного предложения. Также, различные стилистически выразительные элементы могут встречаться вместе.

Помимо этих трех элементов стиля, существуют элементы стиля поверхностного уровня, которые относятся к длине предложений, пунктуации, длине слов, длине абзацев и т.д.

Таким образом, понимание стиля является важным аспектом моделирования субъективности, присущей тексту, и, как следствие – понимания художественного мира данного текста. Как можно увидеть, это – лингвистически мотивированный процесс, позволяющий проанализировать стилистику произведения на лексическом, синтаксическом и семантическом уровнях. Стиль автора, в конечном итоге, представляет собой комплекс различных стилистических элементов, наличием которого обоснована необходимость многоуровневого анализа текста.

Такой многоуровневый анализ стиля, будучи способным включать более широкие понятия стиля более структурированным и интерпретируемым образом, может помочь в понимании причинного влияния стиля на психолингвистические понятия и формирования отражения мироощущения автора в его произведении.

Заключение. Метафоры, символы, художественные ассоциации, проявляющиеся в простых или сложных идиомах, - это средства, без которых литературный текст не может привлечь внимание читателя. Любой текст, как показал наш анализ, изобилует значениями на различных текстовых уровнях, и любой читатель получает столько значений, сколько может, в соответствии со своей эмоциональной реакцией на художественное творчество. Тождества и значения в данном тексте всегда строятся посредством взаимодействия и пересечения с другими личностями, такими как личности автора и читателя, но в равной степени обстоятельства актов создания, распространения и чтения художественного текста. В этой связи, М. Бахтин определил «хронотоп» как «внутреннюю взаимосвязь временных и пространственных отношений, которые

художественно выражены в литературе» [12, 3], а мы бы добавили – и создают пространство художественного мира.

Эта пространственно-временная матрица, отображенная в тезаурусе произведения, способна воссоздать внутренний мир автора и существенно уточнить смысл произведения для исследователя. Всё это подразумевает «диалогическую встречу» между текстом и его контекстом в разные моменты произведения. При этом, диалогическая интерсубъективность отмечает скорее диссонанс и дистанцию, чем гармонию и близость; речь идет не о полном признании какого-либо одного интертекстуального пласта, а о том, чтобы рассматривать эти пласты в совокупности.

Все эти обстоятельства акцентируют внимание на методологии исследования художественного мира произведения, которое должно включать в себя не только идейно-образный уровень, но и лексику, синтаксис и семантику, которые, собственно, и являются зримым отражением элементом и структуры художественного мира.

Таким образом, интерпретация художественного произведения, предполагающая углубленную работу с текстом, то есть его научный анализ и синтез, - это постижение, истолкование его смысла, содержания, идеи, концепции, стиля, принципов его художественной структуры в соответствии с жизненным опытом читателя и его читательской культурой.

Литература

1. Жигалова М.П. Интерпретация и анализ в литературе: теория и практика: монография. – Брест: БрГУ им. А.С.Пушкина, 2011. - 269 с.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. / М.М.Бахтин. – М.: Искусство, 1986. – 444 с.
3. Хайдеггер М. Бытие и время. – СПб, 2006. – С.266-267.
4. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: Сб.ст./ науч.рук. Бухаркин П.Е. – СПб.: Изд-во С.Петербур.ун-та, 1999. – 444 с.
5. Лихачев Д. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. – 1968. – № 8. – С. 74-87.
6. Третьякова И.В. Интерпретация как способ понимания художественного текста // Традиции и новаторство в гуманитарных исследованиях: Сб.науч.тр.посвящ.50-летию ф-та иностр.яз. Мордов.гос.ун-та им. Н.П.Огарева. – Саранск: Изд-во Мордов.ун-та, 2002. – С.38-41.
7. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: Сб.ст./ науч.рук. Бухаркин П.Е. – СПб.: Изд-во С.Петербур.ун-та, 1999. – 444 с.
8. Фоменко И.В., Фоменко Л.П. Художественный мир и мир, в котором живет автор // Литературный текст: проблемы и методы исследования: IV Сборник научных трудов. – Тверь, 1998. – С. 3-10.
9. Фоменко И.В., Фоменко Л.П. Художественный мир и мир, в котором живет автор // Литературный текст: проблемы и методы исследования: IV Сборник научных трудов. – Тверь, 1998. – С. 3-10.
10. Clarke D. A context-theoretic framework for compositionality in distributional semantics // Computational Linguistics. – 2012. – №38(1). – Pp. 41-71.
11. Brooke J., Wang T., Hirst G. Automatic acquisition of lexical formality // 23rd International Conference on Computational Linguistics. 2010. https://www.researchgate.net/publication/221102707_Automatic_Acquisition_of_Lexical_Formality.
12. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: Сборник трудов. — М.: Худ. лит., 1975. — С. 234-407